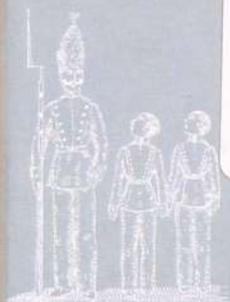

история / география / этнография

68.4г
К13
СА-411003

К

адеты,
гардемарины,
юнкера

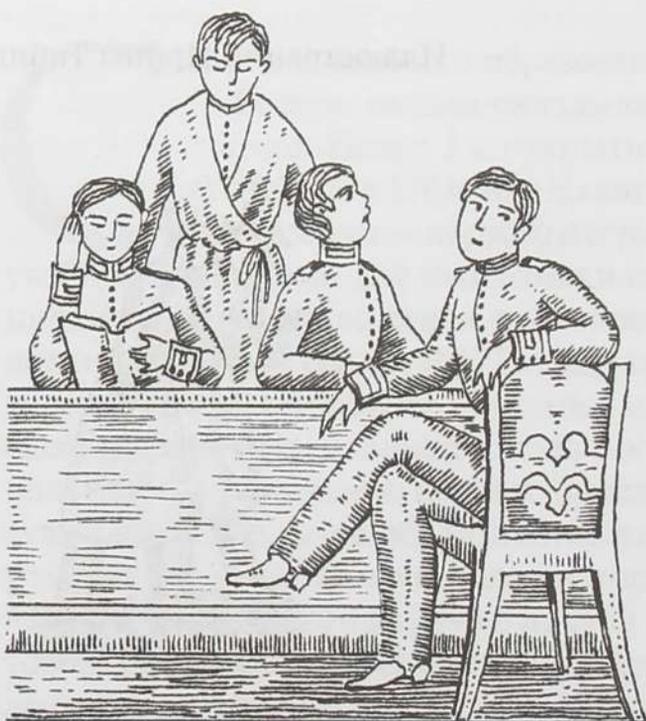
Мемуары воспитанников
военных училищ XIX века

Ломоносовъ
издательство

Кадеты, гардемарины, юнкера

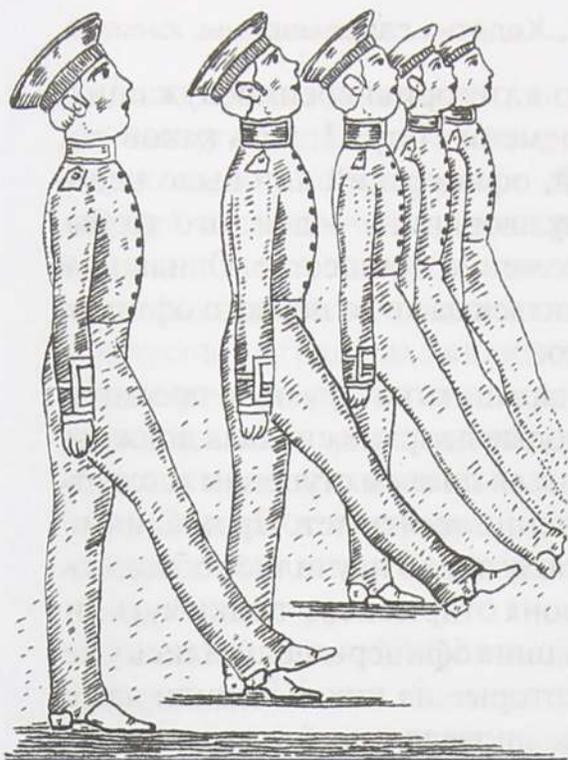
Мемуары воспитанников
военных училищ XIX века

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2024

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крулской»

ca - 444003

От составителя

Система военного образования в России начала складываться при Петре I с открытием в Москве в 1701 году Навигацкой школы — первого в стране учебного заведения для подготовки специалистов зарождавшегося в это время военно-морского флота. В 1715 году, при учреждении в Петербурге Академии морской гвардии, Навигацкая школа составила ее первоначальную основу. Впоследствии окончательное объединение этих учебных заведений стало началом истории Морского кадетского корпуса, из стен которого вышли все знаменитые российские адмиралы и флотоводцы.

Впрочем, формально Морской корпус был учрежден только в 1752 году, при Елизавете Петровне, да и сами по себе морские офицеры при своем появлении в Рос-

сии сразу же составили особую категорию военнослужащих. По традиции же, идущей от времени Петра I, хоть какой-то, пусть и самый незначительный, офицерский чин было необходимо иметь любому русскому дворянину — для того чтобы занимать соответствующее положение в обществе. Однако на действительной службе дослужиться даже до первого офицерского чина было не так-то легко.

По воле царя-реформатора, нарушить которую его преемники и преемницы не смели, молодые дворяне сначала должны были последовательно подниматься по всем ступеням «солдатской» лестницы едва ли не в течение десяти лет. Проныливые родители в послепетровскую эпоху ловко научились обходить это установление, записывая своих отпрысков в полки чуть ли не с рождения. В результате младшие офицеры получались уже к 12 — 14 годам, а в 20 лет некоторые из них выходили даже в полковники, ни одного дня не проведя в армии.

Между тем историческая эпоха была такова, что для России не успевала окончиться одна война, как вскоре уже начиналась новая. Потребность в хорошо обученных профессиональных офицерских кадрах неизмеримо возрастала, поэтому стало очевидно, что только солдатская служба прямой дорогой к офицерскому званию оставаться уже не может. Достичь положительного результата можно было лишь в случае организации соответствующих военно-учебных заведений.

Первый армейский кадетский корпус как таковой был открыт в Петербурге в 1732 году по указу императрицы Анны Иоанновны. В него принимали для обучения шляхетских (дворянских) детей от 13 до 18 лет, поэтому вскоре он стал называться Сухопутным шляхетским корпусом, а в 1800 году получил наименование Первого Санкт-Петербургского кадетского корпуса. Кстати, в переводе с французского само слово *cadete* означает «младший», «несовершеннолетний». Так назывались во Франции молодые дворяне, зачисленные на военную службу до производства в офицеры.

В XVIII — XIX веках Сухопутный шляхетский (Первый кадетский) корпус — не просто военно-учебное заведение, но, по словам выпущенного из него военного историка А.В. Висковатого (1804—1858), «колыбель славы многих героев и знаменитых мужей России».

Те же слова применимы, конечно, и к любому другому российскому военному учебному заведению. Не имеет значения, чем именно оно являлось — привилегированным Пажеским корпусом для детей аристократии или, к примеру, Дворянским полком, в котором заканчивали свое военное обучение сыновья бедных мелкопоместных дворян. Из стен любого из корпусов, сыгравших исключительно важную роль в развитии отечественных общественных отношений, выходили не только офицеры, но и гражданские служащие, нередко достигавшие высших государственных постов, — элита российского общества. Огромное число выпускников военных училищ внесло выдающийся вклад не только в российскую, но и в мировую науку и культуру.

Всего в России в XVIII веке было основано четыре кадетских корпуса, в XIX веке еще двадцать два.

В настоящей антологии впервые предпринята попытка собрать воспоминания воспитанников основных военно-учебных заведений XIX века периода царствований Александра I, Николая I и Александра II, когда российское военное образование окончательно сложилось в стройную систему.

Включенные в книгу мемуары бывших кадет, гардемарин и юнкеров, рисуют достаточно полную картину воспитания и образования будущих офицеров российской армии на фоне важнейших исторических событий. Подавляющее большинство этих воспоминаний рассеяно по страницам периодики позапрошлого века, поэтому малодоступно не только широкому кругу читателей, интересующихся военной историей и военной культурой России, но и большинству специалистов-историков. Как известно, комплекты газет и журналов сохраняются в крайне незначительном количестве экземпляров и только в крупнейших книгохранилищах. Иногда такие печатные издания вообще известны только в единственном экземпляре, что делает их столь же редкими, как и архивные документы, любая утрата которых неизбежно ведет к стиранию исторической памяти. Тексты мемуаров публикуются с некоторыми сокращениями во избежание излишних повторов.

Воспоминания написаны не профессиональными литераторами, поэтому они не всегда гладки по стилю, зачастую

непоследовательны и отрывочны. Тем не менее, если процитировать слова выпускника Пажеского корпуса, полковника лейб-гвардии Кирасирского полка Б.Н. Третьякова (1891—1970), — это неподдельно яркие «воспоминания о далеких школьных днях, о днях юности, о днях той молодости, где столько было надежд, которые полны неизменным чувством любви к нашему родному корпусу и благодарной ему памяти. Там ведь прошли эти счастливые годы, самые счастливые дни нашей молодой жизни», со всеми ее радостями и сложностями.

Г.Г. Мартынов

Н.И. Андреев

Из воспоминаний

Военно-сиротский корпус. Дворянский полк.
1800-е годы

... **В** 1798 году старший мой брат Василий был определен в Военно-сиротский дом или корпус, который был учрежден императором Павлом. Заведение сие было любимым у государя. В нем был комплект двухсот и сверх комплектных до 300 человек. При сем же заведении была солдатская рота и отделение девиц около ста. Директором был назначен любимец государя, бывший в Гатчине майором, что впоследствии генерал-майор, кавалер и командир Петр Евстафьевич Веймарн. <...>

Вот настал и мой час. В декабре 1802 года, нарядив меня и брата Нила в зеленые сюртуки с стеклянными пуговицами, в середине коих были из фольги звездочки, и в тафтяные высокие стеганые шапки на вате, в конце коих находились большие пуговицы, обернули нас в заячьи шубы, крытые нанкой. Сборы в дорогу в старину были большие: за полгода говорили, что нужно ехать к Рождеству, за несколько недель соседи прощались, собирали экипажи, служили молебны, повозки были за неделю у крыльца. <...> За три дня изготовили дорожные кушанья. Настал, наконец, час разлуки; дворня, вся до единого, не исключая малолетних у матерей на руках, собралась; плач и рыдание сопровождали наш поезд. Не буду описывать дорогу; помню только, что мы везде останавливались в крестьянских избах для ночлега и покормки лошадей. Тогда харчевен или постоянных дворов было мало.

По приезде нашем <из Порхова> в Петербург <...> меня с братом Нилом отвезли вскоре в корпус, тот же, где был старший наш брат, и родители наши вскоре уехали в свою деревню. Первое время в корпусе мне было чрезвычайно скучно и единообразно. Нас приняли сверх комплекту, надели толстые солдатские мундиры; но по просьбе родителей наших мы спали с комплектными, у которых как мундиры, так и все содержание было гораздо лучше сверхкомплектных, у коих было все солдатское.

Обмундировка наша была следующая: поярковая треугольная шляпа с шерстяным кордончиком, мундир довольно длинный, зеленый, с красным высоким воротником, голова напудрена, сзади заплетены с боков маленькие косички в три прядка, а посередине коса с подкосником, обернутая черной лентой, белая портупея, застегнутая поперек портами, спереди оной медная пряжка, белые суконные исподницы, башмаки тупоносые с медной пуговицей.

Нас поместили в 1-й класс, потому что мы знали только читать по-русски и больше ничего. Как теперь помню, что в классе нашем были два брата Ганнибалы, Федор и Иван, весьма черные лицом и телом, с курчавыми черными волосами и большими белыми глазами и зубами. С нами были и солдатские дети в одном же классе. Учителями нашими были солдатские воспитанники из музыкантов.

Директор наш любил удовольствия; для своих детей, кадет и девиц он учредил домашний театр у себя на дому на чердаке, в коем играли кадеты и его сыновья, они же и женские роли; из них был недурен кадет в женской роли Лямин, который впоследствии взят цесаревичем <Константином Павловичем> в конную гвардию юнкером. <...> Иногда собирались танцевать у директора, и кадеты играли в бильярд. Могли везде кадеты быть в партикулярном платье и всегда по просьбе были отпускаемы домой, часто и не в праздник; девицам тоже был отпуск из корпуса с родственниками, а часто и со знакомыми <...>.

Учителя наши были неважные, и на успехи кадет никто не обращал внимания до того, что некоторые были в классах, а другие играли на дворе в мяч и чехарду.

В 1805 году <...> по увольнении <в отставку> директора Веймарна многие очень сожалели, что лишились отца: так его называли кадеты. После него преобразовался совершенно корпус: отделение девиц переведено в другой дом, солдатская рота в Рамбов*, уничтожены сверхкомплектные, все были разделены на две роты. Директором назначен полковник <Федор Иванович> Ген, офицеры даны из армии и гренадеров. Ротными командирами назначили двух капитанов — Эбергарда

*Рамбов — обиходное название города Ораниенбаума под Петербургом. — *Примеч. сост.*

Эти записки об отпуске много стесняли пажей. В корпусе было известно, кто к кому отпускался во время праздников, и без записки от того лица не давали позволения выходить. Кроме того, пажи нигде не должны были показываться без сопровождения слуги или кого-нибудь из родственников. Только камер-пажи имели право оставлять корпус без записок, ходить по улицам без провожатого и сидеть в креслах в театре. <...>

1 мая 1817 года я был произведен в камер-пажи.

Как памятен мне этот счастливейший день моей жизни! Юность, весна и первое отличие упоительно действовали на меня. День был светлый, солнечный, и я, в одном новеньком камер-пажеском мундире пошел по Фонтанке в Большую Миллионную, где тогда жила моя тетка Елизавета Яковлевна Багговут. Но мое доверие к петербургскому маю, как часто бывает в жизни с каждым излишним доверием, не осталось безнаказанным, к вечеру я почувствовал сильную простуду. Меня уложили в постель и дали знать в корпус. В постели, в жару, с головной болью я окончил день, который начал таким бодрым, уверенным, счастливым.

Через три недели я выздоровел и явился в корпус на камер-пажескую службу...

Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа императрицы Александры Федоровны // Русская старина. 1875. Т. 12. № 4. С. 775 — 781.

Е. И. Топчиев

Из воспоминаний

Дворянский полк. 1815 — 1819 годы

В половине октября 1815 года меня отправили в Санкт-Петербург вместе с соучеником моим по Харьковской гимназии Василием Тихоцким. Москву мы застали еще мало обстроившейся после губительного для нее 1812 года. Много каменных домов и других строений стояло обгорелых, полуразрушенных; чрез многие дворы ездили — как бы по улицам; колокольни были большей частью с одним колоколом. Отдо-

хнув в Петербурге не более суток, явились в канцелярию 2-го кадетского корпуса и были приняты, по нашим документам, в Дворянский полк.

Начальником 2-го кадетского корпуса и находившихся при нем Дворянского полка и Дворянского кавалерийского эскадрона считался генерал-адъютант <Дмитрий Дмитриевич> Курута, но его действительная служба была при лице великого князя Константина Павловича, в Варшаве. За его отсутствием заведовал <Андрей Иванович> Маркевич, кажется, генерал-майор, начальник собственно 2-го кадетского корпуса. <...>

В Дворянский полк и Дворянский кавалерийский эскадрон принимали дворян не моложе 16 лет, до каких же лет — не было ограничения. Собственно кадеты 2-го корпуса были в составе одного батальона в четыре роты, одной гренадерской и трех мушкетерских; кто командовал батальоном кадет во фронте — не припомню. Определяющиеся в Дворянский полк зачислялись обыкновенно в мушкетерские роты; перевод в гренадерские роты и производство в унтер-офицеры и фельдфебеля вели к выпуску, то есть производству в офицеры в следующий выпуск. Для поступающего в Дворянский полк было довольно одного года, чтобы быть переведенным в гренадерскую роту. При мне выпуски были ежегодные, обыкновенно весной, по 500 человек в каждый, исключая 1818 год, потому что в предшествовавшем, 1817 году, было два выпуска, весной 500 и осенью 300.

После кампании 1812, 1813 и 1814 годов полки весьма нуждались в офицерах, следствием чего, полагаю, в Дворянском полку и Дворянском кавалерийском эскадроне не был ограничен прием молодых дворян комплектом, притом принимали без экзамена и дальнейшего разбора о дворянстве, основываясь на выданных документах в губерниях. Губернаторы имели предписание заохочивать недорослей из дворян определяться в Дворянский полк и Дворянский кавалерийский эскадрон и всем недостаточным выдавать прогоны за счет казны — до Петербурга.

Родившись 1 апреля 1801 года, в ноябре 1815 года я имел 14 лет, а по моим документам значилось 16. До самого определения в Дворянский полк я не знал, что в нем ничему не учат, кроме фронтальной службе. Теснота помещения в Дворянском

Суворова, о чем он и любил рассказывать старшим кадетам. Он приехал к нам делать экзамен.

Степанов вызвал меня и, открывая книгу, спросил: умею ли я читать по-французски? «Нет, я только азбуку знаю», — почему-то отвечал я, хотя не знал и азбуки. Он открыл ту страницу, на которой была азбука, и стал спрашивать буквы вразбивку. После весьма непродолжительного опыта оказалось, что я ничего не знаю. «Ну хорошо, душечка, сядь на место», — сказал мне Степанов, и затем я уже ничего не помню, как продолжался и чем кончился наш экзамен.

На другой день надзирательница Дмитриева увела меня в лазарет и стала учить меня по-французски; всякий день я ходил к ней и под ее руководством научился азбуке, складам и, наконец, стал читать. <...>

В третьем и во втором классах учили историю Ветхого Завета и Нового Завета <...>, а в последнем — краткий Катехизис <...>; по русскому языку — в младших классах чтение и письмо, а в последнем — грамматика <...>, причем вне классов должны были готовить письменный этимологический разбор нескольких строк, что я весьма охотно делал, так как занятие это меня интересовало. Не то было с арифметикой, которую преподавал И. П. В — в. Его вспыльчивость, нетерпеливость и щелчки, которыми он достаивал меня у большой черной доски, вселяли в меня страх и отвращение к арифметике, отчего, по переводе меня в корпус, я всегда шел по математике плохо. <...> В последнем классе учили также всеобщую историю <...> и географию <...>; но от той и другой оставались у меня смутные понятия, да едва ли и уместно было преподавать эти предметы в таком раннем возрасте. Особенно часты были классы чистописания, что, как мне кажется, было весьма полезно; ибо с прописей мы привыкали писать не только чисто и красиво, но и правильно, чем значительно облегчалась задача преподавателя русского языка. <...>

В августе до слуха нашего часто стало доходить слово, которого до того времени никогда не слыхивали, — *холера!* Мы не могли понять и того страха, который оно наводило на всех, а потому немало были изумлены, когда нас перестали отпускать к родителям, а их — к нам. Как теперь на моих глазах отец одного из наших товарищей, штаб-офицер гарнизонного

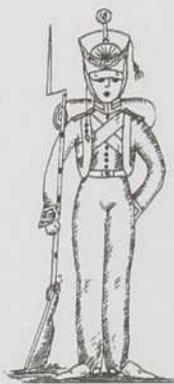
батальона <...>, стоял на дворе и жадно смотрел на маленького своего сына, которого ему показывали через окно. Нежные улыбки и поцелуи передавались со двора в стены здания, но увы! — пропасть между отцом и ребенком лежала непроходимая...

Скучно и однообразно потянулись наши дни в четырех стенах, пропитанных неприятным запахом хлора, который расставляли во всех комнатах. В предупреждение расстройства пищеварительных органов было предписано для питья употреблять одну сухарную воду, а в пищу — суп из круп, дающих слизистый отвар, и кашницу из смоленской крупы. После каждой воскресной литургии пелись молебны Пресвятой Троице. Не помню, чтобы кто-нибудь, кроме добряка Дорошинского, имел желание развлекать нас в нашем уединении; но он забавлял нас, показывая сделанный им самим картонный театр. Игрушка эта так понравилась нам, что некоторые сами стали пытаться устраивать подобные же сценки: началось рисование, вырезывание, клеенье; в конце концов вышло то, что мы были заняты и меньше скучали.

Смутно припоминаю, как у нас заговорили о кончине великого князя Константин Павловича <в 1831 году> и, кажется, по этому случаю служили панихиду. Кто такой был Константин Павлович, я до того времени не имел никакого понятия, а тут узнал, что он был главным начальником всех кадетских корпусов. <...>

Кажется, в том же году, летом или в конце его, нас стали готовить к приезду *великого князя*. Это был Михаил Павлович, принявший начальствование над кадетскими корпусами. Так как у всех на языке было не столько его имя, как титул великого князя, то я в простоте своей думал, что к нам приедет *большой, высокий князь*. На самом-то деле оно так и оказалось, но заблуждение мое было поводом к тому, что надзирательницы стали разъяснять нам, что великий князь есть титул братьев и сыновей государя и что в разговоре с ними называют их *Ваше Императорское Высочество* <...>. Приготовляясь к посещению великого князя, учили нас, чтобы мы непременно целовали у него руку, если он кого-нибудь приласкает из нас.

За несколько часов до его приезда <...> классные дамы принарядились в светло-зеленые платья, осматривали нас, об-

перстень красовался на правой руке Курочкина, сам он сиял необыкновенным восторгом и радостью.

Нам дана была полная амнистия. Герцыг объявил, что Его Высочество приказал снять наложенное им наказание, и мы сейчас же, хотя на несколько часов, полетели со двора.

Восторг был полный, каждый чувствовал что-то особенное к Курочкину, тут была и благодарность, и уважение, и некоторая гордость, что-де и между нами явился поэт. <...>

Мир же праху всем тем, кого я здесь вспомнил и кого уже нет в живых, а живых осталось немного! Мир праху нашим всем учителям и воспитателям; если некоторые из вас и были жестоки, то в этом было виновно, конечно, время, а не вы; телесные наказания практиковались в то время и в частном быту, в благородных семействах; пороли да приговаривали: «Ничего, брат, за двух небитых дают одного битого».

Не могу я обойти признательностью наших бывших воспитателей, ротных командиров и офицеров уже и потому, что немало труда и внимания вложили они в дело нашего воспитания. Оставив стены заведения, мы с удовольствием встречались с каждым из них, совершенно забыв их невольные и не злонамеренные ошибки, так как мы сделались людьми благодаря все-таки их попечению.

Миклашевский А. М. Дворянский полк в 1840-х гг. // Русская старина. 1891. Т. 69. № 1. С. 111 — 125.

К. Ф. Кулябка

Из «Воспоминаний старого орловца»

Орловский кадетский корпус.

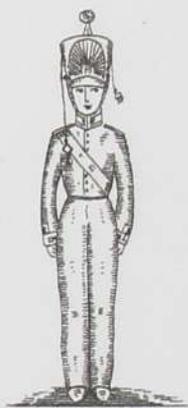
Конец 1840-х годов

В январе 1847 года я поступил в Тульский Александровский малолетний кадетский корпус, составлявший не-ранжированную роту Орловского Бахметьева корпуса. После экзамена, произведенного единолично инспектором классов штабс-капитаном В. И. Пясецким, я был принят в младшее отделение 2-го приготовительного класса. Не могу пожаловаться,

чтобы товарищи отнеслись ко мне, как к новичку, враждебно; обступили меня, предлагали разные вопросы: например, ел ли я дома физику и химию, а когда я отвечал, что не ел, то перешли к вопросам: учился ли я тому-то и тому-то; тут я погрешил и сказал, что я это учил, и они решили, что я должен поступить в старший класс, причем отнеслись ко мне очень дружелюбно. Контингент воспитанников состоял из поступивших в корпус в августе месяце и прибывших из малолетнего Александровского Царскосельского <кадетского> корпуса. Это тоже были мальчики не свыше 10 лет, но считались «старыми» кадетами; они руководили играми и умели делать разные коробочки, альбомы (дворцы) и проч. Директором был полковник Языков, которого мы мало видели, а ротным командиром — Петр Иванович Гинц; этот маленький, коротко стриженный капитан, с вечно суровым и неприветливым лицом, и был наш главный руководитель <...>.

Воспитательная часть лежала преимущественно на дядьках, которых было четверо, по числу отделений в роте. Это были отставные унтера, преимущественно гвардейских полков <...>; они обучали нас фронтовой выправке, а также блюли за нашим туалетом, строго наблюдая, чтобы носовые платки не были скомканы, а сложены в карманах; перед обедом они выносили медные тазики с квасом, куда обмакивали головные щетки и причесывали нас с висками на лоб, причем потеки от кваса так и засыхали на наших лбах. Учительский персонал состоял из законоучителя Дарского, учителя естественной истории и русского языка Шиманского, математики подполковника Мясковского (он, кажется, был и корпусный казначей), чиstopисания и рисования Саратова, француза Крауза и немца Берхмана. Лучшие по успехам воспитанники записывались в классе в списках над красной чертой, средние — под красной, а худшие — под черной; здание корпуса было чрезвычайно нарядно: большие спальни, на стенах которых золотыми буквами были надписи о времени посещения корпуса членами императорской фамилии.

В августе месяце в кибитках, помещавших по четыре кадета, вся рота отправилась в Орел для последнего укомплектования Орловского корпуса, так что в последующие годы из Тулы только прибывали перешедшие во 2-й общий класс.

Содержание

От составителя	5
Н. В. Вохин. Из записок <i>Второй Санкт-Петербургский кадетский корпус. 1801 — 1807 годы</i>	9
Д. Б. Броневский. Из воспоминаний <i>Морской кадетский корпус. 1804 — 1811 годы</i>	15
Н. И. Андреев. Из воспоминаний <i>Военно-сиротский корпус. Дворянский полк. 1800-е годы</i>	22
И. М. Казаков. Из воспоминаний <i>Пажеский корпус. 1809 — 1813 годы</i>	27
К. Зенденгорст. Из воспоминаний <i>Первый Санкт-Петербургский кадетский корпус. 1813 — 1825 годы</i>	28
П. М. Дараган. Из воспоминаний <i>Пажеский корпус. 1815 — 1817 годы</i>	36
Е. И. Топчиев. Из воспоминаний <i>Дворянский полк. 1815 — 1819 годы</i>	40

Д.И. Завалишин. Из воспоминаний <i>Морской кадетский корпус. 1816 — 1822 годы</i>	48
А.И. Зеленой. Из воспоминаний <i>Морской кадетский корпус. 1822 — 1826 годы</i>	61
М.Я. Ольшевский. Из воспоминаний <i>Первый Санкт-Петербургский кадетский корпус. 1826 — 1833 годы</i>	66
А.Н. Корсаков. Из «Воспоминаний московского кадета» <i>Первый Московский кадетский корпус. 1830 — 1837 годы</i>	79
П.П. Карцов. Из воспоминаний <i>Новгородский кадетский корпус. 1833 — 1839 годы</i>	100
В. Г. фон Бооль. Из воспоминаний <i>Александровский малолетний Царскосельский кадетский корпус. 1841 — 1846 годы</i>	109
И.И. Ореус. Из воспоминаний <i>Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. 1845 — 1849 годы</i>	125
Н.А. Крылов. Кадеты сороковых годов <i>Первый Санкт-Петербургский кадетский корпус. 1840-е годы</i>	140
А.М. Миклашевский. Из воспоминаний <i>Дворянский полк. Вторая половина 1840-х годов</i>	149
К.Ф. Кулябка. Из «Воспоминаний старого орловца» <i>Орловский кадетский корпус. Конец 1840-х годов</i>	156
Д.А. Скалон. Из воспоминаний <i>Первый Санкт-Петербургский кадетский корпус. 1852 — 1859 годы</i>	164

Н. Н. Фирсов. Новички (отрывки из воспоминаний) <i>Михайловское артиллерийское училище.</i> <i>1853 — 1858 годы</i>	176
Н. Дьяконов (?). Производство в офицеры <i>Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров.</i> <i>1858 год</i>	185
С. фон Дерфельден. Из «Воспоминаний старого кадета» <i>Михайловский Воронежский кадетский корпус.</i> <i>Вторая половина 1850-х — начало 1860-х годов</i>	189
Е. К. Андреевский. Из воспоминаний о Москве <i>Александровское военное училище. 1863 — 1865 годы</i>	199
Г. П. Миллер. Из «Воспоминаний пажа» <i>Пажеский корпус. 1871 — 1873 годы.</i>	203
В. С. Кривенко. Из воспоминаний «Юнкерские годы» <i>Первое Павловское военное училище. 1871 — 1873 годы</i>	208
<i>Сведения об авторах</i>	219
<i>Краткие сведения о военно-учебных заведениях</i>	225
<i>Словарь военных терминов, редких и устаревших слов.</i>	230

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49